

А. С. Позднякова

Дело «белогвардейской шпионки» Лидофирии Аспиринской: по материалам Вятской губЧК

Великая русская революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война внесли серьезные изменения в жизнь людей. С этим связан интерес профессиональных историков, культурологов, философов и простых людей к проблеме судьбы человека великой эпохи. Антропологический поворот середины XX в. в исторической науке поставил человека в центр изучения. При изучении органов Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) в современный период этот акцент становится все более явным¹. Однако, несмотря на популярность биографических исследований, профессиональные историки уделяют чуть меньше внимания роли женщин в тех событиях². Начало Первой мировой войны было непростым временем, которое наделило женщин мужскими функциями. В тылу и на фронте они активно проявляли себя в разных ролях. После Октября 1917 г. женщины получили возможность работать и в советских органах, и в партии, и в ЧК. В Гражданскую войну они продолжили служить в армии, в том числе в разведке. О разведчицах известно немного. Историки О. М. Морозова и Т. И. Трошина отмечают, что мотивы женщин служить в армии были различны: одни стремились уйти от властного мужа или отца; другие воспринимали войну как игру, ими владел азарт; многие шли за своим мужем, братом, отцом или верили в коммунистические идеалы³. В данной статье, опираясь на приемы микроистории, мы рассматриваем биографию 19-летней Степаниды-Лидофирии Павловны Соловьевой-Аспиринской.

Одним из важных фронтов времен Гражданской войны был Восточный. Противостояние белых и красных

Позднякова

Анастасия Сергеевна

канд. ист. наук,
доц., Российский
государственный
аграрный
университет —
Московская
сельскохозяйственная
академия
им. К. А. Тимирязева
(Москва, Россия)

здесь достигло пика в конце 1918 — начале 1919 г. 24 декабря 1918 г. А. В. Колчак взял Пермь и впоследствии занял часть Вятской губернии. Именно в Вятке находился Штаб Третьей армии, сюда были эвакуированы коммунисты Урала. В январе 1919 г. в Вятку прибыли И. В. Сталин и Ф. Э. Дзержинский для расследования причин сдачи Перми и укрепления линии фронта. Был сформирован губернский ревком во главе с А. Г. Белобородовым⁴ и дано указание ни в коем случае не допустить сдачи Вятки. Это стало стратегической задачей всего руководства губернии в период зимы — весны 1919 г. Опасность оставления Вятки заключалась и в том, что под Котласом стояли интервенты и ждали наступления А. В. Колчака.

Вятка была переполнена эвакуированными и военными. Эвакуация из Перми проходила довольно спешно, поэтому неизвестно, кто был в числе эвакуированных. Вятская губЧК во главе с М. А. Медведевым-Кудриным⁵ уже в январе 1919 г. начала поиск белогвардейских агентов и шпионов среди приезжих. По Вятке ходили слухи, что в руководстве 3-й армии множество белогвардейцев⁶. Дела о шпионаже расследовались Особыми отделами ВЧК при армиях; к сожалению, в настоящее время эти документы не находятся в общем архивном доступе, нам не всегда известны даже имена этих людей. Тем ценнее судебно-следственное дело Л. П. Аспиринской, обвинявшейся в 1919 г. в шпионаже. Данное дело интересно и для тех, кто занимается исследованием судебно-следственной системы периода Гражданской войны, персоналиями деятелей ВЧК.

Итак, в числе жителей Пермской губернии, эвакуированных в Вятку в январе 1919 г., была 19-летняя Лидофирия-Степанида Павловна Соловьева-Аспиринская. В конце января 1919 г. по распоряжению М. А. Медведева-Кудрина она была арестована по подозрению в шпионаже и числилась за Вятской губЧК. Докладную записку на нее составил милиционер Вшивцев, в вагоне с которым она ехала в Вятку. В данном документе было указано, что в двадцатых числах декабря 1918 г. в отдел управления Пермского исполкома к начальнику милиции Иванченко явилась женщина с просьбой выдать ей вид на жительство и назвала себя Степанидой Соловьевой. Милиционеры выяснили, что ее освободили из Пермской городской тюрьмы по постановлению Пермской губЧК. В тюрьме Соловьева находилась с июля 1918 г. за то, что ее муж служил в рядах Красной армии, но как бывший офицер сбежал к белым, а ее будто бы оставил для связи. В декабре 1918 г. Соловьеву освободили и П. И. Малков⁷ направил ее в милицию за получением вида на жительство. Как она сказала в милиции, ее настоящее имя — Лидофирия Аспиринская, но, «не желая носить фамилию мужа и желая скрыть свои следы от белых, она изъявила именоваться Степанидой Соловьевой, на что она получила разрешение ЧК»⁸.

После получения документа Соловьева заявила в милиции, что у нее в Перми нет ни родных, ни знакомых, у которых она могла найти приют, и стала просить разрешения остаться на некоторое время в отделе управления, что ей было позволено, и она поселилась на кухне вместе со сторожихой. 22 декабря 1918 г., когда стали говорить об эвакуации из Перми, начальник милиции Иванченко спросил Соловьеву, что она намерена делать; та заявила, что в Перми не

останется и поедет в эвакуацию. 24 декабря 1918 г. Соловьева была отправлена вместе с делопроизводителями в Оханск, затем получила назначение ехать в Вятку. Однажды в поезде Соловьева рассказала Иванченко, как она с мужем и другими офицерами под предлогом прогулки ездили на р. Чусовую и снимали планы, этот рассказ навел милиционеров на подозрение Соловьевой в шпионаже. Также она интересовалась, по какой дороге происходит эвакуация, выспрашивала мелочи и детали.

Своим подозрением начальник милиции Иванченко поделился с товарищами, милиционер Вшивцев «взял на себя обязанность выпытать прошлое Соловьевой»⁹. Вшивцев много беседовал с Соловьевой и однажды заявил ей, что хотел бы перейти на сторону белых, на что Соловьева сказала ему, что это очень легко сделать, и написала письмо, которое вручила Вшивцеву, попросив передать послание ее знакомому Николаю Николаевичу Жучкову, проживавшему в Вятке. Соловьева рассказывала Вшивцеву, «что Пермь сдана не потому, что красноармейцев было мало, а что все было подготовлено и Вятка должна быть сдана также. Что в Вятке у нее есть знакомые и лишь бы только разыскать их, тогда можно легко убежать»¹⁰. Письмо, которое она передала Вшивцеву, было полностью шифрованным. Этот документ отложился в деле Аспиринской; в письме содержится ряд цифр, представляющих шифрованное послание¹¹. Свою докладную записку и подготовленное Соловьевой письмо бдительный милиционер отнес в Вятскую губЧК.

Дело о Соловьевой-Аспиринской вел следователь Вятской губЧК Виктор Васильевич Фортунатов¹², который впервые допросил ее 28 января 1919 г. Из материалов допроса следует, что она родилась в городе Вольмар Лифляндской губернии. Отец ее по профессии был техником, затем вся ее семья переехала в Ревель, где отец имел собственный дом; впоследствии они уехали в Екатеринбург. В Екатеринбурге в возрасте 16 лет Лидофирия вышла замуж за офицера Ивана Александровича Аспиринского. Будучи замужем, она родила ребенка, прошла фельдшерские курсы в лазарете 181-го полка. (К слову, многие женщины того времени, как отмечают историки О. М. Морозова и Т. И. Трошина, включились в политическую и общественную жизнь именно с обучения медицинской помощи¹³.) Аспиринская показывала на допросе: «Муж мой как офицер не принимал участия в революции, боялся ее и был очень недоволен тем, что ему пришлось снять погоны с себя»¹⁴. Также она рассказала, что после Октябрьской революции 1917 г. ее муж был арестован как офицер: «Он был выпущен затем, как и другие офицеры, они заявили, что желают поступить в ряды Красной армии»¹⁵. Муж Соловьевой-Аспиринской поступил в ряды Красной армии, а она, оставив ребенка, ушла с ним на фронт в качестве фельдшерицы. Соловьева дала следующие показания о службе своего мужа в Красной армии: «Служил халатно, был недоволен армией, говорил, что с такой бандой ничего не сделать. Муж мой занимался сношением с белогвардейскими частями, он рассказывал им о том, что происходит в Красной армии»¹⁶. Муж Соловьевой-Аспиринской и 15 офицеров перешли к белогвардейцам в июне 1918 г. Сама же Соловьева осталась в Перми, она объясняла на допросе: «Решение остаться у меня возникло из-за того, что хотела поработать для советской власти». Также

она показала следствию, что имела короткий роман с красным командиром Иваном Гордеевым. Конечно, она была молодой романтической девушкой, и, возможно, данные показания правдивы, но в силу военных обстоятельств чекисты не поверили ей, эта фраза в протоколе была подчеркнута синим карандашом, как и многие другие.

Следователя ЧК В. В. Фортунатова интересовало, почему Соловьева-Аспиринская не осталась в Перми и не дождалась своего мужа. Она объяснила свою эвакуацию так: «Услышала выстрелы и испугалась, на меня напал панический ужас»¹⁷. С одной стороны, это типичное женское поведение, но в условиях военного времени оно вновь наводило на подозрения. На вопросы В. В. Фортунатова о шифре обвиняемая показала: «Шифра не открою и не могу открыть»¹⁸. На дополнительном допросе она заявила, что шифр не скажет, так как «боится тех людей, все равно погибнет, если скажет, уже от их руки»¹⁹.

12 февраля 1919 г. В. В. Фортунатов дал заключение по этому делу, обвинив Соловьеву в том, что она жена офицера, который скрылся с казенными 200 тыс. руб., перейдя на сторону белых вместе со штабом 2-го Уральского полка: «Соловьева, зная про намерения мужа, никому не заявила об этом, а умолчала. Сама же осталась для какой цели неизвестно... хотя она и женщина, следует применить самую строгую меру наказания»²⁰.

Время шло, и Соловьеву-Аспиринскую содержали в заключении, ожидая, что она все-таки расскажет о шифре и о тех людях, которых она знала в Вятке. Как ясно из ее последующих допросов, пребывала она отнюдь не в лучших условиях. 25 февраля 1919 г. Соловьеву-Аспиринскую привезли в вагон Особой инспекции ВЧК, где сотруднику Данилевскому «она согласилась открыть все тайны», лишь бы ее не отправляли обратно в тюрьму. Все тайны, которые не выдавала Аспиринская на допросах В. В. Фортунатову, касались того, что милиционеры Вшивцев и Иванченко распивали алкоголь при ней, Иванченко получил на всю милицию куртки, сапоги, рукавицы, шапки, портянки, шубы, но не выдал их сотрудникам, решив, что во время эвакуации это имущество можно будет продать. «При отступлении из Перми я ехала с милицией, у них было 45 бутылок коньяку, они пили его. Они хотели уничтожить бумаги, а в Вятке сказать, что все оставили в Перми. Некоторые бумаги они уничтожили, деньги взяли себе»²¹. В заключение допроса Аспиринская сказала: «Все те тайны, которые я знала, и есть вышеописанные факты поведения милиции, рассказать об этом ЧК я не хотела, хотела показать свое мужество. Иванченко писал мне в тюрьму и просил, чтобы я ни о чем не говорила и не выдала»²². Конечно, Л. П. Аспиринская не это скрывала от ЧК; таким образом она хотела запутать следствие, обратить внимание ЧК на недостойное поведение сотрудников милиции. «Отомстить» Вшивцеву и Иванченко Соловьевой не удалось: она продолжала оставаться под стражей, в то время как следственных мероприятий в отношении пермских милиционеров не проводилось.

В марте 1919 г. Соловьеву-Аспиринскую допрашивал сотрудник Особого отдела ВЧК М. М. Харитонов²³, он требовал выдать соучастников ее мужа. На этом допросе она назвала фамилии Бориса Шангина, сына доктора Шангина, а также поручика Егорова. Аспиринская рассказала: «Белые приезжали к нам

11 июня, были в поле, играли в карты». В конце июня 1918 г., по показаниям Аспиринской, белогвардейцы приезжали второй раз в район Перми и «белым отдали четыре пулемета, много шинелей, отвезли это все к священнику»²⁴. Проверить показания Аспиринской было невозможно, так как она специально оговорила, что Шангины были расстреляны, а остальные были на стороне белых.

Последний допрос Соловьевой-Аспиринской был произведен 2 апреля 1919 г., его проводил заведующий следственной частью Особого отдела ВЧК 3-й армии З. Б. Кацнельсон²⁵. На данном допросе Аспиринская дала те же показания, что прежде давала В. В. Фортунатову и М. А. Харитонову.²⁶ После допроса З. Б. Кацнельсон составил заключение, в котором указал: «Аспиринская представляет собой тип настоящей белогвардейки, что она не скрывает, держится нахально, спутывает показания... толковых показаний от нее получить трудно. Единственной мерой наказания для нее как шпионки и белогвардейки, ненавидящей советскую власть и открыто заявляющей это, может быть только расстрел»²⁷. Было вынесено постановление Особого отдела Реввоенсовета 3-й армии от 3 апреля 1919 г. — предать суду Военного революционного трибунала 3-й армии с предложением расстрелять²⁸. 8 апреля состоялось заседание Военно-революционного трибунала 3-й армии Восточного фронта, на котором было вынесено судебное решение: расстрелять Л. П. Аспиринскую-Соловьеву как шпионку, поскольку она «отказывается выдать шифр, места жительства своих заговорщиков»²⁹. Однако Аспиринскую не расстреляли.

Оказывается, Л. П. Аспиринская нашла заступника, который после постановления о ее расстреле поспешил в Вятскую губЧК, где заявил, что Лидофирия готова выдать заговорщиков и дать новые показания. Этот заступник — помощник начальника Вятского исправительного рабочего дома, коммунист с 1916 г., Тимофей Васильевич Кобелев. Информация об этом человеке отразилась в следственном деле, заведенном на Тимофея Васильевича Вятской губЧК. События разворачивались следующим образом: 4 мая 1919 г. в Вятскую губЧК поступила жалоба от коммунистов, заключенных в камере № 12 Вятского исправительного рабочего дома: «По распространившимся слухам по тюрьме тов. Кобелев взял одну женщину из заключенных и с ней пошел в баню, где держал около четырех часов»³⁰. В записке были даны приметы этой женщины: костюм сестры милосердия, на голове черный платок, сверху полушубок.

8 мая 1919 г. следователь Вятского губернского революционного трибунала И. Я. Бауман³¹ осмотрел арестные помещения женского отделения Вятского исправительного рабочего дома. В одной из камер он нашел настенные надписи: «Начальник спас жизнь Кобелев коммунист, Лида Асперинская (так в оригинале. — А. П.)». На стенах другой камеры: «здесь сидела Асперинская (так в оригинале. — А. П.) Лидафирия», «признали в шпионстве и была приговорена к расстрелу, жизнь спас коммунист начальник», «здесь сидела Лида признана белогвардейкой и приговорили к расстрелу»³². Об этих надписях на стенах И. Я. Бауман составил особый акт.

В этот же день И. Я. Бауман допросил Л. П. Аспиринскую про их отношения с Т. В. Кобелевым. Она дала такие показания: «Кобелев прекрасный человек,

идейный коммунист, ко всем хорошо относится»³³. Следователь спрашивал, писала ли Л. П. Аспириная надписи, на что она ответила положительно. Также его интересовал вопрос, как Т. В. Кобелев спас ей жизнь. На это она ответила: «Когда меня присудили к расстрелу, Кобелев обо мне хлопотал. В результате я жива»³⁴.

На следующий день в ревтрибунале был допрошен сам Т. В. Кобелев, который по существу дела показал, что ходил в баню с женой, а не с Л. П. Аспириной. На вопрос И. Я. Баумана, часто ли он бывал у Аспириной, Кобелев давал путанные показания: «Несколько раз заходил в присутствии следователей, однажды с Блюхером»³⁵. Он дал мне распоряжение улучшить положение — продовольствие, белье, дать камеру получше»³⁶. Тимофей Васильевич рассказал, что ночью он вызывал Л. П. Аспириную в канцелярию для выяснения фамилий соучастников. На вопрос И. Я. Баумана о том, как он спас ей жизнь, Кобелев ответил: «Говорил, что спасу жизнь, если она мне выдаст ее соучастников»³⁷. О самой Аспириной он заметил: «Иногда она плакала, иногда ругалась. Никаких близких отношений не было»³⁸. После данных показаний следственная комиссия при Вятском губернском революционном трибунале решила принять дело о Т. В. Кобелеве к своему производству, с него взяли подписку «о неотлучке»³⁹.

9 мая 1919 г. следователь И. Я. Бауман допросил Марию Гольшеву, гражданскую жену Т. В. Кобелева, с которой они сожительствовали восемь месяцев. Она показала, что ходила с ним в баню при тюрьме: «[Ходила] еще до Пасхи, угорела... отправляли за нашатырным спиртом... Я ходила туда в форме сестры, сверху овчина шуба»⁴⁰. Таким образом, было доказано, что Т. В. Кобелев ходил в баню не с Л. П. Аспириной. Однако следствие начало допрос всех работников Вятского исправительного рабочего дома. 10 мая 1919 г. по делу помощника начальника Исправдома была допрошена надзирательница А. С. Шуракова, которая рассказала, что после вынесения приговора «Аспириная была заключена в одиночку, сроку ей было дано 24 часа. Вечером из ее одиночки вышел Кобелев, зашел он к ней еще при другой надзирательнице Распоповой»⁴¹. Свое пристальное внимание к Л. П. Аспириной она объяснила так: «Мы решили следить за ней серьезно, чтобы она не удавилась»⁴². Когда Т. В. Кобелев ушел из одиночки, Л. П. Аспириная объявила всем, что он уехал хлопотать за нее. Из показаний надзирателей выяснилось, что вечером того же дня в Исправдоме была проверка, а Кобелева действительно не было. А. С. Шуракова рассказала следствию, что Т. В. Кобелев приехал в 10 вечера и просил открыть камеру Аспириной: «Зашел и говорит — ну, Лидочка, я твои дела все охлопотал. Я слышала звуки поцелуев. Потом на выходе он ей сказал, я чаю два стакана выпью и вызову тебя к себе»⁴³. Затем Т. В. Кобелев выпустил Лидофирию в коридор и спросил А. С. Шуракову, вооружена ли она. Надзирательница была безоружна: «[Кобелев сказал мне,] чтобы я была осторожнее, чтобы она (Аспириная. — А. П.) меня не ударила. Аспириная сидела в коридоре. Плетнев в 24 часа ночи увел Аспириную»⁴⁴. Вернулась Лидофирия, по показаниям надзирательниц, в три-четыре часа ночи. Также А. С. Шуракова показала на допросе, что Т. В. Кобелев часто ходил к Л. П. Аспириной:

«...всегда один, говорил, для допросов»⁴⁵. После таких показаний было вынесено постановление следственной комиссии при Вятском ревтрибунале: «Ввиду тяжести обвинения избрать меру пресечения — содержание в Вятском исправительном рабочем доме»⁴⁶. Т. В. Кобелев был арестован.

10 мая 1919 г. следователь И. Я. Бауман допросил бывшую надзирательницу Распопову, которая находилась под арестом с 15 апреля. Оказывается, бывшие надзирательницы Вятского исправительного рабочего дома Распопова и Беляева были арестованы по доносу Аспиринской по обвинению в шпионаже и числились за Особым отделом ВЧК 3-й армии. По показаниям Распоповой, именно во время ее дежурства Л. П. Аспиринскую приговорили к смертной казни. Распопова рассказала на допросе: «Мы (надзирательницы. — А. П.) жаловались на Аспиринскую, которая ругала, угрожала, говорила, что мы будем сидеть на ее месте»⁴⁷. Распопова отмечала: «Кобелев под полным влиянием Аспиринской... она нас оговорила»⁴⁸. В тот же день была допрошена надзирательница Титова, подтвердившая слова Шураковой и Распоповой. Она также добавила, что Л. П. Аспиринская заявила: «Я захотела, чтобы Распопову и Беляеву арестовали — их посадили»⁴⁹.

17 мая 1919 г. был допрошен председатель военно-революционного трибунала 3-й армии Василий Петрович Постников. Из его показаний становится понятно, почему Соловьеву-Аспиринскую не расстреляли: после оглашения приговора член Военно-революционного трибунала 3-й армии А. Г. Кузовников получил сведения от Т. В. Кобелева, что Л. П. Аспиринская желает дать показания по белогвардейскому заговору в Вятке. А. Г. Кузовников получил у В. П. Постникова разрешение на дополнительный допрос. Однако в это же время об исходе дела в отношении Л. П. Аспиринской узнал Военный совет 3-й армии, затребовал от В. П. Постникова все следственное дело, а через сутки член Военного совета В. А. Трифонов⁵⁰ заявил, что «он с приговором не согласен по личным соображениям»⁵¹.

Таким образом, не Т. В. Кобелев повлиял на дело Л. П. Аспиринской. Согласно показаниям заключенных, содержащихся в Вятском исправительном рабочем доме, и надзирательниц при нем, Кобелев был груб в обращении, часто не давал свиданий осужденным, забирал часть передач себе; также у него были испорчены отношения с начальником Вятского исправительного рабочего дома К. С. Свебовским. Особо Т. В. Кобелев враждовал с Иваном Ананьевичем Чернышевым, заведующим губернским карательным отделом. Причина конфликта заключалась в том, что заведующий отделом юстиции Н. С. Пятков⁵² без согласования с И. А. Чернышевым назначил Т. В. Кобелева в Вятский исправдом, аттестовав его в представлении на должность как ответственного коммуниста. Пятков и Чернышев конфликтовали с момента назначения Пяткова в январе 1919 г.⁵³ И. А. Чернышев стал собирать жалобы от осужденных на Т. В. Кобелева; по его просьбе коммунистами, отбывавшими наказание в Вятском исправительном рабочем доме, была составлена жалоба на Тимофея Васильевича.

Следователь И. Я. Бауман допросил И. А. Чернышева по делу Кобелева. Заведующий губернским карательным отделом, дипломированный юрист

Чернышев заметил: «Администрация вообще не имеет никакого юридического права войти в какое-либо сношение неслужебного свойства с заключенными. Если это имеет место быть — это тяжкое уголовное наказание»⁵⁴. Чернышев дал Кобелеву следующую характеристику: «Назначение Кобелева было неожиданностью, он не подходит для этой должности, не знаком с тюремным делом, неграмотен. Но это было решение от партии. Сразу же посыпались недовольства, особенно от сидевших коммунистов. Они просили меня пригласить Малкова (председатель Вятской губЧК. — А. П.). <...> Он игнорировал меня и начальника Вятского исправительного рабочего дома»⁵⁵. После этого допроса Особый отдел ВЧК арестовал И. А. Чернышева по подозрению в контрреволюции: «В ночь с 19 на 20 мая я был арестован Особым отделом. Изъята вся переписка, фотографии. Это все Аспиринская, она меня приписала к белогвардейскому заговору»⁵⁶. Чернышева арестовали как бывшего земского начальника, черносотенца, а значит, контрреволюционера. Однако к делу Аспиринской это скорее всего не имело никакого отношения. Дело в том, что в мае 1919 г. И. А. Чернышев участвовал в работе проходившего в Вятке совещания с представителями делегации ВЦИК и ЦК РКП(б); на этом совещании он заявил о бездеятельности следственного аппарата Особого отдела. Об этом нам стало известно из его прошений на имя наркома юстиции Д. И. Курского и председателя ВЦИК М. И. Калинина⁵⁷. Дело И. А. Чернышева было закрыто в июле 1919 г.

Что же происходило с самой Л. П. Соловьевой-Аспиринской? Из показаний надзирательниц выяснилось, что в десятых числах апреля ее перевели в одиночную камеру при больнице Вятского исправительного рабочего дома. 20 мая 1919 г. Аспиринскую допросил начальник Особого отдела 3-й армии Б. А. Бреслав⁵⁸. На допросе она рассказала свою биографию, но дополнила ее тем, что у нее были два брата, которые оба служили у белых. В заключение допроса она подписала следующую бумагу: «Даю свое согласие оказывать содействие, буду завязывать сношения с лицами активно или пассивно борющимися с советской властью. Если я что узнаю — сразу буду сообщать в особый отдел. Я честно и откровенно говорю, что даю свое обещание правдиво и его исполню до конца»⁵⁹. Таким образом, можно полагать, что если Л. П. Соловьева-Аспиринская и являлась шпионкой, то была перевербована. Исчерпывающую характеристику Аспиринской дал член военно-революционного трибунала 3-й армии А. Г. Кузовников: «Сама по себе Аспиринская — женщина соблазнительная, привлекательная, так что мужчине со слабым характером тяжело удержаться перед ее соблазном. Кобелев поддался Аспиринской... Аспиринская хитрая. Кобелев полностью под ее влиянием»⁶⁰.

В тот же день, 20 мая 1919 г., был допрошен Т. В. Кобелев, который «повинился» перед следственной комиссией Вятского губернского революционного трибунала: «Да, я признаю, что я провинился. Но я новичок»⁶¹. 24 мая 1919 г. Кобелева освободили из-под стражи, но отстранили от должности. Его дело было полностью прекращено лишь 22 августа 1919 г. 28 мая 1919 г. надзирательниц Распопову и Беляеву также освободили в силу недоказанности⁶².

Таким образом, анализ судебно-следственной практики Вятской губЧК, Особого отдела ВЧК 3-й армии, Вятского губернского революционного трибунала позволил не только узнать о биографии Л. П. Аспиринской и многих других лиц, но и полнее представить себе ситуацию в эвакуированной Вятке в 1919 г. Выяснилось, что в Вятке в 1919 г. побывали многие советские, партийные, государственные деятели (Б. А. Бреслав, М. М. Харитонов, З. Б. Кацнельсон, В. А. Трифонов), о чем ранее было неизвестно. В руководстве губернии возникали конфликтные ситуации, приводившие к тому, что следственные дела возбуждались по личным мотивам; отчетливо видны судебно-следственная неразбериха, наличие нескольких органов власти, наделенных чрезвычайными полномочиями. В то же время можно подчеркнуть и то, как слаженно работали Вятская губЧК и Особый отдел ВЧК: в тот период важно было не допустить антисоветских выступлений в тылу, утечек информации, разговоров, слухов, присутствия в городе нежелательных лиц. Все это делалось, чтобы ничто не помешало остановить наступление А. В. Колчака.

Вихрь событий Гражданской войны отразился на судьбах всех людей той эпохи. Конечно, Лидофирия Аспиринская лишь волей случая попала в водороворот политики того времени. Имея от природы склонность к приключениям и обладая совершенно определенной авантюрной жилкой, Аспиринская рано потеряла отца и мужа. Оставшись без поддержки и опоры, молодая женщина пыталась приспособиться к новым реалиям; вряд ли стоит осуждать ее за стремление выжить и уцелеть в ту суровую и страшную эпоху. Ей, как и всем ее современникам, приходилось непросто, и ее жизнь могла в любой момент оборваться: в Перми, во время эвакуации, в Вятке. В тюремных заключениях она могла умереть от сыпного тифа, испанки, туберкулеза — да от чего угодно. Лидофирия Аспиринская прожила интересную, хотя и очень тяжелую жизнь. Была ли она шпионкой, которую белые оставили в Перми? Вероятно. Но следует ли исключать то, что она к этому моменту была уже перевербована красными, еще в Перми, а арест в Вятке служил дополнительной легендой, иначе как объяснить ее освобождение? Дальнейшая судьба Л. П. Аспиринской-Соловьевой нам неизвестна.

¹ См., напр.: *Полужтов И. Б.* От солдата колчаковской армии до красноармейца запасного полка — судьба почетного чекиста Б. М. Зефирова // Самарский архивист. 2022. № 3. С. 17–22; *Ратковский И. С.* Жизнь и судьба революционера и чекиста Судрабса-Лациса (1888–1938) // Исторические чтения на Лубянке. Органы государственной безопасности России в годы реорганизаций и реформ в XIX–XXI вв.: мат.-лы XXIV Международ. науч. конф. М., 2020. С. 256–261; *Сушко А. В., Петин Д. И.*: 1) Чекист, фронтовик, публицист: к биографии Бориса Антоновича Янковского // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 142–148; 2) Чекист, железнодорожник, архитектор Петр Петрович Зутис // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 923–938.

² См., напр.: *Вебер М. И.* Новые факты о биографии чекистки Г. Н. Штальберг // Органы государственной безопасности на защите Отечества. 11-е Уральские военно-исторические чтения, посвященные 100-летию УФСБ России по Свердловской области: сб. ст. Екатеринбург, 2018. С. 77–85; *Морозова О. М.* Женская жестокость времен Гражданской войны в свете мифов и документов // Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов

и военных испытаний, 1917–1922: мат-лы XI С.-Петерб. междунар. коллоквиума по русской истории. СПб., 2020. С. 533–545; *Петин Д. И.* С авантюрой сквозь жизнь: Мария Александровна Гришина-Алмазова (Михайлова) // *Новейшая история России.* 2019. Т. 9, № 2. С. 389–405; *Стельмак М. М.* «Заведомо хранила, с целью распространения, 44 экземпляра прокламаций...»: к биографии омской революционерки Надежды Тереховой (Белоговой) // *Омский научный вестник.* Сер.: Общество. История. Современность. 2023. № 1. С. 65–72.

³ *Морозова О. М., Трошина Т. И.* Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин // *Новейшая история России.* 2016. № 2. С. 8–30.

⁴ Белобородов Александр Георгиевич (1891–1938) — член РСДРП(б) с 1907 г. С 1917 г. — член Уральского областного комитета РСДРП(б) в Екатеринбурге. С января 1918 г. — председатель исполкома Уральского областного Совета. 12 июля 1918 г. подписал решение Уралоблсовета о расстреле Николая II и его семьи. В январе — марте 1919 г. — председатель Вятского губернского революционного комитета, затем Исполнительного комитета Вятского губернского Совета. На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. избран членом ЦК. Арестован в 1936 г., расстрелян в 1938 г.

⁵ Медведев Михаил Александрович (Кудрин) (1891–1964) — член РСДРП(б) с 1912 г. С июня 1918 г. — член коллегии Уральской областной ЧК в Екатеринбурге. В начале июля 1918 г. был назначен во внутреннюю охрану Дома особого назначения в Екатеринбурге; в ночь на 17 июля 1918 г. участвовал в расстреле царской семьи. В июле 1918 г. перед сдачей Екатеринбурга белогвардейцам М. А. Медведев в составе Уральской областной ЧК был эвакуирован в Вятку. С июля по ноябрь 1918 г. — член коллегии, работал помощником заведующего по борьбе с контрреволюцией. С декабря 1918 по январь 1919 г. — председатель Вятской губЧК. Известно, что к 1938 г. он дослужился до звания полковника НКВД.

⁶ См. подробнее: *Чекисты о своем труде.* М., 1965. С. 35.

⁷ Малков Павел Иванович (1892–1956) — член РСДРП(б) с 1912 г. В 1918 г. — член коллегии Пермской губЧК, с августа 1918 г. — председатель Пермской губЧК. Участник расстрела Великого князя Михаила Романова. С марта по июль 1919 г. — председатель Вятской губЧК, член Особого отдела ВЧК 5-й армии. С июля 1919 г. по 1920 г. — председатель Пермской губЧК. В 1920–1921 гг. — начальник Северо-Кавказского Войск внутренней службы РСФСР. Заместитель полномочного представителя ВЧК по Юго-Восточному краю и Северному Кавказу. После 1921 г. ушел из ВЧК.

⁸ Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. Р-6799. Оп. 9. Д. СУ-11544. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 3 об.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² Фортунатов Виктор Васильевич (1898–?) — с 1914 г. псаломщик, с 1916 г. диакон в сельской церкви. В ноябре 1918 г. сложил сан и поступил на службу в Вятскую губЧК. В 1919 г. работал в Пермской губЧК, а с 13 мая 1920 г. в центральном аппарате ВЧК на должности уполномоченного Специального отдела ВЧК (по правым партиям и духовенству). В 1921 г. был снят с должности и откомандирован в Ростов-на-Дону. О дальнейшей его судьбе неизвестно.

¹³ *Морозова О. М., Трошина Т. И.* Женский взгляд на мужскую работу. С. 17.

¹⁴ ЦГАКО. Ф. Р-6799. Оп. 9. Д. СУ-11544. Л. 11 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 12.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 13.

¹⁹ Там же. Л. 13 об.

²⁰ Там же. Л. 1.

²¹ Там же. Л. 6.

²² Там же.

²³ Харитонов Моисей Маркович (1887–1948) — член РСДРП(б) с 1905 г., эмигрировал в 1912 г. в Швейцарию. В 1917 г. возвратился в Россию вместе с В. И. Лениным впломбиро-

ванном вагоне. В 1917 г. — секретарь Пермского губкома РСДРП(б). В 1918 г. входил в состав Уральского областного бюро ЦК РКП(б). С ноября 1918 г. служил в Красной армии; военком 3-й Украинской армии (ноябрь 1918 г.), редактор газеты 3-й армии (по январь 1919 г.). С марта по ноябрь 1919 г. — ответственный секретарь Петроградского губернского комитета РКП(б), одновременно являлся членом Реввоенсовета 7-й армии и заведующим отделом учета и распределения Политического управления Красной армии (май 1919 — май 1920 г.), затем был начальником Особого отдела ВЧК 7-й армии (с мая 1920 по январь 1921). Арестован в декабре 1934 г., осужден на два года ссылки. В 1936 г. вновь арестован и осужден к высшей мере наказания, которая была заменена на 10 лет лишения свободы. В октябре 1947 г. арестован и осужден к 10 годам лишения свободы. Умер в лагере в 1948 г.

²⁴ ЦГАКО. Ф. Р-6799. Оп. 9. Д. СУ-11544. Л. 33.

²⁵ Кащельсон Зиновий Борисович (1892–1938) — член РСДРП(б) с 1917 г. В 1918–1919 гг. работал следователем Военного контроля, следователем Особого отдела ВЧК. Работал в органах ВЧК — ОГПУ до 1937 г. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян.

²⁶ ЦГАКО. Ф. Р-6799. Оп. 9. Д. СУ-11544. Л. 41.

²⁷ Там же. Л. 42.

²⁸ Там же. Л. 2.

²⁹ Там же. Л. 48.

³⁰ Там же. Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 917. Л. 1.

³¹ Бауман Иван Яковлевич (1898–?) — член РСДРП(б) с 1917 г.; с декабря 1917 по март 1918 г. — работник комитета по продовольствию, с апреля по август 1918 г. состоял в продовольственной управе 1-го Коломенского подрайона Петрограда, с августа по сентябрь 1918 г. — в Бюро статистики. В конце 1918 г. по указанию РКП(б) Иван Яковлевич был командирован в Вятку. Работал следователем в ревтрибунале с декабря 1918 по конец 1919 г. После ухода из трибунала в конце 1920 г. служил в ГубЧК, в 1921 г. отправлен для работ в Москву. Дальнейшая судьба неизвестна.

³² ЦГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 917. Л. 8.

³³ Там же. Л. 9 об.

³⁴ Там же.

³⁵ Блюхер Василий Константинович (1889–1938) — советский военный, государственный и партийный деятель. В Красной армии с 1918 г. Осенью 1918 г. командовал 30-й стрелковой дивизией на Восточном фронте. В апреле 1919 г. — начальник гарнизона и обороны Вятско-Слободского района. Одновременно с этим был помощником командующего 3-й армией. В июле 1919 г. — начальник 51-й стрелковой дивизии, которая с боями прошла путь от Тюмени до озера Байкал. Маршал Советского Союза (1935), первый кавалер орденов Красного Знамени (1918) и Красной Звезды (1930). Военный министр Дальневосточной республики (ДВР) и третий главнокомандующий Народно-революционной армии ДВР. Командующий Особой Дальневосточной армией. В 1938 г. арестован, умер в тюрьме.

³⁶ ЦГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 917. Л. 11.

³⁷ Там же. Л. 12 об.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 13.

⁴⁰ Там же. Л. 16.

⁴¹ Там же. Л. 22.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л. 23 об.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 24.

⁴⁷ Там же. Л. 32.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 34 об.

⁵⁰ Трифонов Валентин Андреевич (1888–1938) — член РСДРП(б) с 1904 г. В декабре 1917 — апреле 1918 г. член коллегии Наркомата по военным делам РСФСР. С февраля 1918 до

марта 1920 г. член Реввоенсовета Республики. В декабре 1918 — мае 1919 г. — член Реввоенсовета 3-й армии. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян.

⁵¹ ЦГАКО. Ф.Р-1322. Оп. 1а. Д. 917. Л. 51.

⁵² Пятков Николай Степанович (1893–1937) — член РСДРП(б) с 1913 г. В 1919 г. заведующий Вятским губернским отделом юстиции. С июля 1919 г. — заведующий Екатеринбургским губернским отделом юстиции. С декабря 1920 г. — председатель реввоен трибунала Приуральского военного округа. Арестован в 1936 г., расстрелян в 1937 г.

⁵³ См. подробнее: *Позднякова А. С.*: 1) Конфликт между ВЧК и НКЮ в региональном измерении (Вятская губерния, 1918–1919 гг.) // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: мат-лы II Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти историка отечественных спецслужб Александра Михайловича Плеханова и 105-летию образования ВЧК. Омск, 2022. С. 186–192.

⁵⁴ ЦГАКО. Ф.Р-1322. Оп. 1а. Д. 917. Л. 62.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Л. 63 об.

⁵⁷ Государственный архив РФ. Ф.Р-1235. Оп. 94. Д. 270. Л. 342.

⁵⁸ Борис (Янкель Бер) Абрамович Бреслав (1882–1938) — член РСДРП(б) с 1903 г., деятель советских военно-партийных органов и спецслужб; член Президиума Моссовета и заместитель председателя Московской ЧК (1918–1919), начальник особых отделов 3-й армии, Южного фронта и 12-й армии (1919–1920). Арестован в 1937 г., расстрелян в 1938 г.

⁵⁹ ЦГАКО. Ф.Р-6799. Оп. 9. Д. СУ-11544. Л. 51.

⁶⁰ Там же. Ф.Р-1322. Оп. 1а. Д. 917. Л. 103, 103 об.

⁶¹ Там же. Л. 65.

⁶² Там же. Л. 98.

Статья поступила в редакцию 1 августа 2023 г.

Рекомендована к печати 27 декабря 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Позднякова А. С. Дело «белогвардейской шпионки» Лидофирии Аспиринской: по материалам Вятской губЧК // *Новейшая история России*. 2024. Т. 14, № 2. С. 307–320. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.204>

Аннотация: В статье на основе неопубликованных источников из фондов Центрального государственного архива Кировской области проанализированы судебно-следственные дела 1919 г. в отношении Л. П. Аспиринской по обвинению в шпионаже, Т. В. Кобелева, И. А. Чернышева, обвиняемых в преступлениях по должности и контрреволюции. В 1919 г. в Вятке арестовали ряд лиц по обвинению в шпионаже, данные дела до сих пор засекречены. Тем ценнее дело Л. П. Аспиринской, находящееся в архивном доступе. По прибытии в эвакуацию в Вятку она была арестована. Ее арест повлек за собой ряд следственных мероприятий в отношении других лиц. Данные дела были заведены Вятской губЧК в тот момент, когда на Восточном фронте Гражданской войны ожидали весеннего наступления А. В. Колчака. Цель работы — на примере судебно-следственных дел в отношении Л. П. Аспиринской, Т. В. Кобелева и других лиц указать факторы, повлиявшие на жизнь отдельных «случайных» людей в эпоху социальных катаклизмов. Теоретической основой исследования выступил антропологический подход. Л. П. Аспиринская пыталась выжить в условиях Гражданской войны без отца и мужа, искала новые поведенческие стратегии для себя. Автор статьи подчеркивает, что изучение подобных тем дает возможность выйти на проблемы гендерной истории, а также реконструировать образ советского человека. Публикация может представлять интерес для исследователей, изучающих раннее советское общество, Гражданскую войну в России, историю советских органов регионального управления, а также советских спецслужб.

Ключевые слова: Гражданская война, Россия, шпионаж, Восточный фронт, Всероссийская чрезвычайная комиссия, Вятская губерния, гендерная история, советская власть.

Сведения об авторе: Позднякова А. С. — канд. ист. наук, доц., Российский государственный аграрный университет — Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева (Москва, Россия); pozdnyakova.med@gmail.com

Российский государственный аграрный университет — Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева, Россия, 127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49

FOR CITATION

Pozdnyakova A. S. 'The Case of the "White Guard Spy" Lidofiria Aspirinskaya: Based on the Materials of the Vyatka GubChK', *Modern History of Russia*, vol. 14, no. 2, 2024, pp. 307–320. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.204> (In Russian)

Abstract: Based on unpublished sources from the funds of the Central State Archive of the Kirov region, the article analyzes the judicial and investigative cases of 1919 against L. P. Aspirinskaya on charges of espionage, T. V. Kobelev, I. A. Chernyshev, accused of crimes of office and counterrevolution. In 1919, a number of persons were arrested in Vyatka on charges of espionage, these cases are still classified. The case of L. P. Aspirinskaya, which is in archival access, is especially valuable: upon arriving at the evacuation in Vyatka, she was arrested. Her arrest led to a number of investigative measures against other persons. These cases were initiated by the Vyatka GubChK at a time when A. V. Kolchak's spring offensive was expected on the Eastern Front of the Civil War. The purpose of the work is to use the example of judicial and investigative cases against L. P. Aspirinskaya, T. V. Kobelev and others to indicate the factors that influenced the lives of individual "random" people in the era of social cataclysms. The theoretical basis of the study was the anthropological approach. L. P. Aspirinskaya tried to survive in the conditions of the Civil War without her father and husband, looking for new survival strategies for herself. In conclusion, the author emphasizes that the study of such topics makes it possible to get to the problems of gender history, as well as to reconstruct the image of the Soviet man. This publication may be of interest to researchers studying early Soviet society, the Civil War in Russia, the history of Soviet regional government bodies, as well as Soviet special services.

Keywords: Civil War, Russia, espionage, eastern front, Tcheka, Vyatka Province, gender history, Soviet power.

Author: Pozdnyakova A. S. — PhD in History, Associate Professor, Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy (Moscow, Russia); pozdnyakova.med@gmail.com

Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy, 49, ul. Timiryazevskaya, Moscow, 127434, Russia

References:

Morozova O. M. 'Female cruelty of the Civil War in the light of myths and documents', *Grazhdanskaia voina v Rossii: zhizn' v epokhu sotsial'nykh eksperimentov i voennykh ispytaniy, 1917–1922: materialy XI Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kollokviuma po russkoi istorii*, pp. 533–545 (St. Peterburg, 2020). (In Russian)

Morozova O. M., Troshina T. I. 'Women's view of men's work. Revolution and civil war through the eyes and in the destinies of women', *Modern History of Russia*, no. 2, 2016, pp. 8–30. (In Russian)

Petin D. I. 'With adventure through the life: Maria Alexandrovna Grishina-Almazova (Mikhailova)', *Modern History of Russia*, no. 2, 2019, pp. 389–405. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.206> (In Russian)

Poluektov I. B. 'From a soldier of the Kolchak army to a Red Army reserve regiment — the fate of the honorary chekist B. M. Zefirov', *Samarskii arkhivist*, no. 3, 2022, pp. 17–22. (In Russian)

Pozdnyakova A. S. 'The conflict between the Cheka and the NKYU in the regional dimension (Vyatka province, 1918–1919)', *Deiatel'nost' otechestvennykh spetssluzhb v epokhu sotsial'nykh kataklizmov: materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi pamiati istorika otechestvennykh spetssluzhb Aleksandra Mikhailovicha Plekhanova i 105-letiiu obrazovaniia VChK*, pp. 186–192 (Omsk, 2022). (In Russian)

- Ratkovsky I.S. 'The life and fate of the revolutionary and chekist Sudrabs-Latsis (1888–1938)', *Istoricheskie chteniia na Lubianke. Organy gosudarstvennoi bezopasnosti Rossii v gody reorganizatsii i reform v XIX–XXI vekakh: materialy XXIV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, pp. 256–261 (Moscow, 2020). (In Russian)
- Stelmak M.M. "Deliberately kept, for the purpose of distribution, 44 copies of proclamations...": To the biography of the Omsk revolutionary Nadezhda Terekhova (Belonogova)', *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istorii. Sovremennost'*, no. 1, 2023, pp. 65–72. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2023-8-1-65-72> (In Russian)
- Sushko A.V., Petin D.I. 'Chekist, railwayman, architect Pyotr Petrovich Zutis', *Vestnik arkhivista*, no. 3, 2019, pp. 142–148. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2019-3-923-938> (In Russian)
- Sushko A.V., Petin D.I. 'Chekist, front-line soldier, publicist: To the biography of Boris Antonovich Yankovsky', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 480, 2022, pp. 923–938. <https://doi.org/10.17223/15617793/480/17> (In Russian)
- Veber M.I. 'New facts about the biography of the security officer G.N. Stalberg', *Organy gosudarstvennoi bezopasnosti na zashchite Otechestva. 11-e Ural'skie voenno-istoricheskie chteniia, posviashchennye 100-letiiu UFSB Rossii po Sverdlovskoi oblasti: sbornik statei*, pp. 77–85 (Yekaterinburg, 2018). (In Russian)

Received: August 1, 2023

Accepted: December 27, 2023